

ЛОРАН ГУНЕЛЬ

ЛОРАН ГУНЕЛЬ

БОГ ВСЕГДА
ПУТЕШЕСТВУЕТ
ИНКОГНИТО

Издательство «Иностранка»
Москва

*Жану-Клоду Гунелю (1932–2006).
Папа, мне так тебя не хватает...*

Жизнь — это риск.
Если ты не рискуешь, ты не живешь.
Это придает жизни... привкус шампанского.

Сестра Эмманюэль

Теплая, нежная ночь обволакивала меня, несла куда-то, взяв на руки. И мое тело растворялось в ней. Мне казалось, что я плыву в воздухе.

Еще шаг...

Мне не было страшно. Ни капельки. Если я чего и боялся в последние дни, так только того, что страх вторгнется в мои мысли. Я не желал, чтобы он меня удержал и все испортил...

Еще шажок...

Я ожидал услышать шум города и очень удивился, что внизу так спокойно. Не тихо, нет... Спокойно. Все долетавшие снизу звуки были приглушенными и далекими, они убаюкивали меня, а глаза тонули в слабых отблесках ночных огней.

Еще один шаг...

Я медленно, очень медленно продвигался по стальной балке, которая в необычном освещении отливала золотом. В эту ночь мы с Эйфелевой башней слились в одно целое. Идя по золотистому металлу, я вдыхал незнакомые, пьянящие ароматы,

разлитые в теплом и влажном воздухе. А в ста двадцати трех метрах внизу у моих ног распростерся Париж. Он манил, мигая ночными огнями, и ждал, когда моя кровь оплодотворит его.

Еще один шаг...

Я все взвесил и готов к тому, на что решился. Это мой выбор, и я его сделал. Я хладнокровно решил положить конец жизни без всякой цели и смысла. Такая жизнь — и это убеждение все больше зрело и крепло во мне — больше не принесет ничего, достойного внимания.

Еще шажок...

8
— Все мое существование было чередой поражений, и начались они с самого рождения. Отец — его и назвать-то можно разве что родителем — не считал меня достойным знакомства с ним. Он бросил мать, едва она объявила ему о беременности.

Может, она надеялась от меня избавиться, когда отправилась в один из парижских баров топить отчаяние в вине? Но количество стаканов, выпитых в компании американского бизнесмена, не лишили ее ясности рассудка. Ему было тридцать девять, ей двадцать шесть. Она пребывала в унынии, а от него так и веяло бесшабашной уверенностью, и ее это успокаивало. Он производил впечатление человека зажиточного, а ей надо было выживать. И она, все прикинув и взвесив, в ту же ночь с надеждой предложила ему себя. Наутро она была так нежна и ласкова, что он, то ли по слабости, то ли совершенно искренне, пообещал, что в случае беременности она

может сохранить ребенка, что он позаботится о них. Как вышло на самом деле, я уже никогда не узнаю.

Она поехала за ним в Штаты, и там, в стране изобилия, ни у кого не вызвало удивления, что я появился на свет в семь с половиной месяцев, а весил уже около трех кило... Мне дали местное имя, и я стал Аланом Гринмором, американским гражданином. Мама выучила английский и худо-бедно приспособилась к жизни в новом обществе. Все последующее было не таким радужным. Спустя пять лет мой новый отец потерял работу и, оказавшись один на один с экономическим кризисом, который наступил перед президентством Рейгана, начал пить. И пошло-поехало. Он становился все более мрачным, молчаливым, впал в депрессию. Мать раздражало его бездействие, она была глубоко задета и постоянно старалась его подначить, спровоцировать. Любой пустяк становился поводом для упреков. А полное отсутствие реакции супруга приводило к тому, что ее атаки становились все резче и уже граничили с оскорблениями. Возникло впечатление, что ей доставляло удовольствие, когда он наконец начинал огрызаться. Ее больше устраивали вспышки гнева, чем апатия. Меня эти игры пугали. Я любил родителей, и видеть, как они истребляют друг друга, мне было невыносимо. Вспышки отцовского гнева были редкими, но сокрушительными, и я их боялся, а мама, похоже, откровенно ждала. Она наконец-то добивалась от него хоть какой-то реакции: выражения глаз, жеста. Она получала про-

тивника, который реально существовал и был способен ответить. Годами накопленная горечь получила возможность разрядки, и она буквально срывалась с цепи. Однажды вечером отец ее побил, и я был потрясен не столько самим насилием, сколько извращенным наслаждением, которое я прочел на лице матери. В ту ночь они ссорились особенно яростно, и мать бросила ему в лицо, что его сын — вовсе не его сын. Я все понял сразу... Наутро он ушел из дома, и больше мы его не видели. Мой второй отец тоже бросил меня.

Мама отчаянно боролась за наше выживание. Она работала шесть дней в неделю, проводя нескончаемые часы в прачечной. Каждый вечер с ней в дом приходили запахи химикатов и потом повсюду вились вокруг нее. Когда она приходила поцеловать меня на ночь, я не узнавал больше родного запаха мамы, который всегда обволакивал меня нежностью и успокаивал перед сном.

Еще шаг, еще один...

Потом она переходила с одной работы на другую, в надежде продвинуться и побольше заработать на жизнь. Она меняла любовников, в надежде удержать хоть одного из них и восстановить домашний очаг. Думаю, настал день, когда она поняла всю тщету своих попыток, и с этого момента она сосредоточилась на мне. Я преуспею там, где она потерпела фиаско. Я заработаю столько денег, что и ей тоже хватит. И отныне главной задачей для нее стало мое образование. Я был обязан приносить

только хорошие оценки. Все наши разговоры за столом вертелись вокруг колледжа, преподавателей и результатов. Мама сделалась вожаком, а я ведомым. Я с рождения владел двумя языками, общаясь с ней по-французски, а с остальным миром по-английски. И она без конца повторяла мне, что в этом мое огромное преимущество. Несомненно, я стану бизнесменом международного значения или крупным переводчиком, может даже в Белом доме. Ну а почему нет? Только ничтожества ни к чему не стремятся и не имеют никаких амбиций. Когда-нибудь она увидит меня в кресле министра иностранных дел. Я очень боялся ее разочаровать и в классе старался, как мог. Мои многообещающие результаты укрепляли маму в ожиданиях и поддерживали ее стратегию.

Когда же мама узнала, что в Соединенных Штатах обучение платное и стоит очень дорого, это было для нее настоящим ударом. Я впервые видел ее до такой степени обескураженной. На миг мне даже показалось, что она пойдет по пути отца и опустится, как он. Рушились все ее планы, словно над ней тяготело проклятье. Однако потребовалось совсем немного времени, чтобы ее натура взяла верх. Ей удалось добиться встречи с директором лицея, и она отправилась убеждать его, что нельзя просто так оставить на обочине юного американского гражданина. Ведь мои блестящие успехи говорят о том, что я способен служить родине, если, конечно, мне дадут возможность достичь тех высоких должно-

стей, которые обеспечивает университетское образование. Должен же быть какой-то выход: стипендия или еще что-нибудь? Когда она вернулась домой, ее просто распирало. Все оказалось очень просто: выход имелся и обозначался он пятью буквами: СПОРТ. Если я преуспею в спорте, то есть большая вероятность, что университет предоставит мне право поступления с тем, чтобы я вошел в спортивную команду и увеличил ее шансы на победу в турнирах.

И я начал усиленно тренироваться, не смея сознаться маме, что спорт всегда терпеть не мог. А она заставляла меня, подбадривала и дотошно фиксировала каждое мое достижение. Ее не смущало, что в прошлом мои спортивные оценки были очень средненькие. «Захочешь — сможешь», — то и дело повторяла она. Наконец нашелся вид спорта, в котором я не был хуже всех: бейсбол. И с тех пор моя жизнь пошла под знаком бейсбола. Чтобы меня вдохновить, мама пришила к стенке в моей комнате постер со звездами «Тигров», бейсбольной команды Детройта. Я завтракал, и у меня на кружке были выгравированы «Тигры». «Тигры» глядели отовсюду: с ключницы, с футболок, с тапочек, с халата, с авторучек... Я ел «Тигров», писал «Тиграми», мылся «Тиграми» и даже спал с «Тиграми». Кончилось тем, что бейсбол начал мне сниться: маме удалось с афиш переселить его ко мне в мозг, и он заполнил там все пространство. Она сразу записала меня в районный бейсбольный клуб и стала брать дополнительную работу, чтобы оплатить мой член-

ский взнос. Там я проводил как минимум по три часа в день, а по выходным — по пять. Крики нашего тренера до сих пор звенят у меня в ушах, а ведь прошло уже столько лет. А еще помню тошнотворный запах пота в раздевалке, когда ребята снимали форму после тренировки. Я ненавидел бейсбол, но очень любил маму и сделал бы все, что угодно, лишь бы ее не разочаровать. Она всю жизнь поддерживала в себе надежду, и мне казалось, что, если ей станет нечего больше ждать, она умрет.

Будущее показало, что я был прав: она умерла через несколько лет, на другой день после того, как я получил университетский диплом. Я остался один, с дипломом в кармане. Собственно, этого диплома я никогда всерьез и не добивался. В школьные годы я общался с ребятами, чьих вкусов и стремлений не разделял. Может, поэтому так и не обзавелся друзьями. В одном крупном предприятии мне предложили место специалиста по бухгалтерскому учету в работе с поставщиками. Зарплата была вполне приличной, но работа мне быстро наскучила. Однако я не впал в уныние, ибо ничего от нее и не ждал. На примере маминой жизни я очень быстро усвоил, насколько напрасны ожидания.

Еще шажок...

После нескольких лет бесцельного и пустого существования я вдруг взял и уехал во Францию. Что это было? Неосознанное желание вернуться к истоку? А может, мне захотелось вернуться, чтобы заново пересочинить незадавшуюся жизнь моей

матери? Не знаю. Так или иначе, я оказался в Париже, а вскоре решил там остаться. Париж — красивый город, но я остался не из-за этого. Дело было в другом. В интуиции, в предчувствии, что он мне назначен судьбой. Тогда я еще не знал, что достаточно быстро мне захочется здесь умереть.

Я искал работу и записался на прием к начальнику бюро по трудоустройству «Дюнкер Консалтинг», которое занималось набором бухгалтеров для крупных предприятий. Он сразу заявил, что к бухгалтерской деятельности я непригоден, так как французская бухгалтерия в корне отличается от англосаксонской. Ничего общего.

— Все ваше обучение придется начинать с нуля, — сказал он и засмеялся, довольный тонким юмором своей фразы.

Впрочем, фраза никого больше не рассмешила. А у него от смеха затрясся двойной подбородок. Я застыл на месте. Однако, добавил он, мои общие познания в вопросе, вкупе с американской культурой, дают мне шанс сделаться в их бюро консультантом по найму. Их самые крупные клиенты — американские компании, и они должны оценить, что набор бухгалтеров к ним на работу доверен американцу.

— Но это невозможно, — возразил я. — Набор на работу — не моя специальность, и я в ней ничего не смыслю.

Он усмехнулся гадкой, порочной улыбкой, какая, наверное, появляется на губах старика, когда

в последний момент перед объятием юная девушка вдруг заявляет ему, что она еще девственница.

— Об этом мы позаботимся, — произнес он с важным видом.

Меня взяли, и я на две недели отправился проходить интенсивный курс обучения вместе с другими новичками, которые претендовали на место в штате. Всем им было не более тридцати, и мне казалось, что для такой деятельности они слишком молоды. Для меня оценивать достоинства и степень пригодности кандидатов было все равно что их судить, и я с тревогой думал, как возьму на себя такую ответственность. Остальные вовсе не испытывали никакого страха, наоборот, они с явным удовольствием примеряли на себя солидный костюм чиновника, принимающего на работу, и относились ко всему очень серьезно. Они уже ощущали себя в должности. И вся группа при этом чувствовала принадлежность к элите. Гордыня не оставляла места сомнениям.

В течение пятнадцати дней нас обучали секретам и приемам профессии: как вести беседу с кандидатом, соблюдая простоту стиля и здравый смысл и прибегая еще к куче всяческих ухищрений, которые теперь мне кажутся полной глупостью.

Я усвоил, что, впустив кандидата в кабинет, надо несколько секунд помолчать. Если он заговорит первым, ты, несомненно, имеешь дело с лидером. Если же он терпеливо ждет, когда ему дадут слово, то он по характеру ведомый.

Нам надлежало открыто попросить его представиться:

— Расскажите о себе.

Но при этом не задавать наводящих вопросов. Если кандидат выпутается сам, значит он человек независимый. Если же он начнет спрашивать, с чего начать, с периода учебы или с последнего места работы, то ему явно не хватает инициативы и он будет слишком податлив.

Мы отработывали выученные приемы друг на друге, разбившись на пары, по технике ролевой игры. Одни становились чиновниками, другие кандидатами, тут же придумывали сценарий, причем консультант был волен изощряться, как мог, чтобы вывести кандидата на чистую воду.

Удивительно, какая атмосфера соперничества воцарялась во время этих упражнений. Каждый норовил подчинить себе другого, по большей части воспринимая его как лжеца, которого надо разоблачить, или как врага, которого надо сокрушить. Но самым забавным было то, что инструктор, консультант на жалованье в «Дюнкер Консалтинг», тоже входил в игру и испытывал злорадное удовольствие, заметив чью-нибудь ошибку или упущение. Его любимой фразой было:

— Ага, вот ты и попался!

Он произносил ее с насмешкой, он был в роли, пусть и понимал, что все это только игра. Разумеется, он знал, как заставить нас «попасться»...

Через неделю нам объявили, что мы вполне пригодны к службе.

И я начал проводить дни в бюро, выслушивая, как робкие просители, заливаясь краской от страха, пытались меня убедить, что их главные недостатки — это перфекционизм, чрезмерная строгость и тенденция к перегрузкам. Им даже в голову не приходило, что мне тоже страшно и что я тоже чувствую себя не в своей тарелке. Конечно, у меня шансов было больше, потому что моя роль в игре состояла в том, чтобы слушать, а не говорить. Но я всякий раз приходил в ужас, когда наступал момент безжалостно объявить девяти из десяти соискателей, что их досье не соответствует должности: у меня возникало впечатление, что я зачитываю им приговор. Мое смятение накладывалось на их смятение, и получался заколдованный круг, в котором неловкость только увеличивалась. Я задыхался в этой роли, да и обстановка в бюро не помогала снять напряжение. Человеческие ценности были не более чем фасадом, а на самом деле здесь царила жесткая и холодная конкуренция.

Выживать в такой обстановке мне помогала Одри. Я познакомился с ней в «Марьяж Фрер» на улице Гранд-Огюстен. Этот магазин был словно вне времени, и там я сразу чувствовал покой и умиротворение. Едва за тобой закрывалась дверь и под ногами начинали поскрипывать половицы старинного дубового паркета, ты окунался в изысканную атмосферу колониальной чайной лавки. Тебя обволакивали ароматы сотен сортов чая, заботливо хранящихся в старинных глиняных шкатулках, и ты переносился на Дальний Восток девятнадцатого

века, где, наверное, не раз бывал в своем воображении. Стоит только закрыть глаза — и ты уже на борту трехмачтовой шхуны, нагруженной деревянными ящиками с драгоценными чайными листиками, и вот-вот отправишься бороздить моря и океаны. Пока я заказывал продавцу за прилавком сто граммов «Сакуры 2009», кто-то шепнул мне на ухо, что у «Сакуры империяль» вкус тоньше. Я обернулся. Странно: незнакомая девушка обращается ко мне в городе, где каждый пребывает в своей скорлупе и высокомерно игнорирует остальных. А она сказала:

— Не верите? Пошли, дам попробовать.

И, взяв меня за руку, потащила через зал, лавируя между покупателями и стойками со старинными чайниками, к маленькой лестнице наверх, в дегустационный салон. Там царила атмосфера интимной элегантности. Между столиками бесшумно и торжественно скользили официанты в светлых льняных костюмах. Я, с моей расхлябанностью, сразу почувствовал себя чужаком из другого времени. Мы уселись в уголке, за столик, покрытый белой скатертью, с серебряными приборами и фарфоровыми чашечками с изображениями знаменитостей. Одри заказала два чая, две горячие ячменные лепешки и «Солнечный удар», фирменное блюдо, которое, по ее мнению, мне непременно надо попробовать. Мы оживленно болтали, и я получал от этого огромное удовольствие. Она училась в Школе изящных искусств и снимала комнату в мансарде, под самой крышей.